

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА / POLITICAL SPACE OF A REGION

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 339.924(1-87)

О. В. БАХЛОВА

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В РЕГИОНЕ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: ВОЗМОЖНОСТИ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Интеграционная политика России как фактор формирования и реализации стратегии общенационального развития» № 16-03-00603.

Ключевые слова: регион; Евразийский экономический союз; интеграция; интеграционная политика; интеграционные процессы; Организация Договора о коллективной безопасности; постсоветское пространство; Содружество Независимых Государств; Союзное государство; сценарий

Введение: интеграционная политика России, будучи частью общегосударственной политики, ориентирована на стимулирование объединительных процессов в регионе СНГ. При этом многослойный транснациональный характер актуальных проблем и вызовов побуждает страны не только к расширению взаимодействия на основе общих и совпадающих интересов, но и к обогащению инструментария достижения интеграционных целей и задач. Эффективная интеграционная политика требует сопряжения внутри- и внешнеполитических приоритетов, факторов и ресурсов, она должна быть сбалансированной и учитывать потребности и возможности интегрирующихся государств, населения, регионов, социально-политических и иных субъектов.

Материалы и методы: в ходе исследования использовались прежде всего материалы экспертного опроса по проблематике постсоветской и

БАХЛОВА Ольга Владимировна, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор политических наук, доцент (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (*e-mail*: olga.bahlova@gmail.com). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3849-8321>

© Бахлова О. В., 2017

евразийской интеграции и данные Евразийской экономической комиссии. В качестве базовых выступили методы политической диагностики и политической экспертизы, применялась методика определения параметров сложности в субрегиональных объединениях СНГ с участием России. С помощью метода сценарного прогнозирования на основе «ситуационного» подхода были разработаны краткие аналитические поисковые сценарии эволюции интеграционной политики России, динамики интеграционных процессов в регионе. В рамках экспертного опроса проведено анкетирование представителей научного сообщества России и Беларуси.

Результаты исследования: разные параметры интеграционной политики России интерпретированы экспертами неоднозначно. С одной стороны, их мнения во многом совпали по таким позициям, как статусно-ролевые характеристики России и ее интеграционных партнеров на пространстве СНГ, характер взаимоотношений в интеграционных объединениях, уровень включенности неправительственных институтов, социальной поддержки интеграционной политики. С другой стороны, налицо разброс суждений по количественным показателям. Белорусские эксперты проявили большую сдержанность в оценках по сравнению с российскими коллегами. С помощью экспертного опроса и других методов были выявлены основные проблемы интеграционной политики и сформулированы практические рекомендации.

Обсуждение и заключения: сбалансированная интеграционная политика России должна быть направлена на усиление оптимистических сценариев с укреплением главных субрегиональных форматов и сохранение СНГ как важной диалоговой площадки. Ожидания более высокого уровня могут быть реализованы при условии опоры на источники внутреннего роста и позитивную мотивацию интегрирующихся государств. На ближайшую и среднесрочную перспективы пока следует исходить из имеющихся уязвимостей, сглаживая их максимально негативные проявления и последствия. Требуется усиление интеграционного брендинга, повышение верифицируемости результатов интеграционных мероприятий, акцентирование проинтеграционных инструментов, дебюрократизация механизмов и процедур взаимодействия, актуализация научного и образовательного сопровождения интеграционной политики и интеграционных процессов.

Введение. Интеграционная политика в современных условиях является значимой частью общегосударственной политики, ориентированной на решение задач поступательного развития. Фактически она встраивается в систему внешнеполитического курса страны, предполагая содействие формированию благоприятного окружения, закреплению дружественных и союзнических отношений, поддержанию стабильности и безопасности по периметру границ и в пределах региона, где располагается данное государство. Отсутствие сейчас четкой грани между внешними и внутренними вопросами, транснационализация многих проблем, ранее относившихся

к внутригосударственной юрисдикции, миграционных и иных потоков, комплексная взаимозависимость, изменение оснований международной иерархии обуславливают необходимость расширения ее инструментария, выработки сбалансированных подходов, надлежащего ресурсного обеспечения. Интеграционная политика имеет стратегический характер и должна быть гибкой, чтобы адекватно реагировать на существующие или намечающиеся вызовы и угрозы. Она важна для всех стран мира и особенно актуальна для государств, активно действующих на международной арене, располагающих длительным опытом строительства надгосударственных систем и успешной практикой функционирования сложносоставных обществ и политий. Ее главные факторы — географическое положение, специфика региона, сопредельных государств, «плотность контакта» с другими акторами, их статусно-ролевые характеристики, качество и структура внешнеторговых связей, потребность в защите, кредитах, энергоресурсах и пр., исторические традиции, социокультурные параметры (язык, религия и пр.), побуждения элитных групп. Будучи направленной на стимулирование объединительных процессов с участием заинтересованных государств, интеграционная политика неизбежно корреспондируется с намерениями и шагами широкого круга субъектов.

В политике России, выполняющей на протяжении столетий в разных формах геополитического бытия роль одной из ведущих держав в масштабах Евразии и всего мира, интеграционная составляющая неизменно присутствовала, и сегодня она продолжает органично выражаться в инициативах, предложениях и поведении России в обширных территориальных рамках. Речь идет о конструировании более благоприятной стратегической реальности с точки зрения национальных интересов, о создании безопасного и относительно однородного, целостного пространства. Прежде всего исторически для России приоритетен регион Содружества Независимых Государств (СНГ). Однако тенденции постбиполярного периода и современности, отразившиеся в совокупности социально-политических трансформаций, серьезно скорректировали тактический арсенал и мотивацию России и ее партнеров по интеграционному взаимодействию, сказавшись на состоянии, результативности и судьбе ряда проектов регионального и субрегионального уровня.

Цель нашего исследования — определить потенциал интеграционной политики Российской Федерации в регионе СНГ, ее возможности и перспективы с учетом стратегических приоритетов России, региональной ситуации, встречной готовности стран Содружества, реакции внерегиональных игроков и степени социально-политической поддержки интеграционных процессов. Предусматривается обоснование выбора более рациональных практических интеграционных решений, соотношения между минимальными и максимальными требованиями интеграционной политики России.

Обзор литературы. В научной литературе интеграционная проблематика вызывает устойчивый исследовательский интерес, что объясняется многослойностью и динамизмом процессов региональной интеграции. Отечественные и зарубежные авторы отмечают дополнительные инструментальные возможности, появляющиеся у государств — членов интеграционных объединений. Одновременно поднимаются вопросы влияния интеграции на статус и роли отдельных стран и их взаимодействие в структуре региональных объединений. Е. Б. Михайленко, анализируя тенденции теоретического дискурса, подчеркивает двойственность мотивации слабых государств, включающей, с одной стороны, опасения, что региональные процессы по европейскому аналогу могут привести к их маргинализации в регионе, с другой — надежды на более эффективное участие в решении региональных вопросов¹. Таким образом, наращивание «позитивного суверенитета» благодаря делегированию новых полномочий наднациональным институтам часто воспринимается как посягательство на суверенитет государства и его позиции. В целом переосмысление многих традиционных проблем и векторов региональной интеграции осуществляется в рамках подходов «нового», «открытого» регионализма².

В плоскости интеграционной политики России отечественные авторы разрабатывают концепции «нового прагматизма» [1—2], «прагматического евразийства» [3], уделяют внимание

¹ См.: Михайленко Е.Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 28.

² См.: Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.; Халанский И.В. Теоретические подходы к исследованию проблем региональной интеграции в современной политической науке // Вестн. Кыргыз.-Рос. Славян. ун-та. 2014. Т. 14, № 2. С. 68—72.

продвижению публичной дипломатии и «мягкой» силы [4—6]. В зарубежных трудах и некоторых отечественных исследованиях нередко действия России интерпретируются как попытки «неоимперской экспансии» или проявления «постимперского синдрома». В них прослеживается приверженность концепциям «сдерживания», «эссенциализма» и т. п. [7—9]. Д. Е. Фурман определил СНГ как последнюю, третью форму постимперского пространства, самую мягкую и аморфную в сравнении с Российской империей и Советским Союзом, считая, что СНГ невозможно как единство равноправных государств, так как это пространство по своей конфигурации может быть лишь российскоцентричным³.

Особо следует выделить работы, авторы которых предметно обращаются к анализу сущности, форм и направлений интеграционной политики и интеграционной стратегии России⁴. Активно изучаются институциональные механизмы постсоветской и евразийской интеграции [10—11], усиливается внимание к перспективам внедрения наднациональности, преимущественно в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) [12—13], к координации и взаимодополняемости интеграционных усилий и форматов на пространстве Евразии и трансрегиональном уровне [14—15]. Часто затрагивается и проблема их конкуренции — «интеграционного выбора», корреляции интеграционных приоритетов постсоветских стран (Россия — СНГ — Евро-Атлантика и пр.) [16—17].

В целом на современном этапе наблюдается смещение исследовательского интереса в сторону евразийской интеграции, причем она трактуется даже как парадигма развития постсоветского пространства [18]. Оценки интеграционной политики России разного времени — от критических до умеренно оптимистичных. Так, Т. Гомар вполне в русле зарубежной традиции утверждает, что во главу внешнеполитического курса России ставятся постимпериалистические и националистические интересы. На его взгляд, России не удалось осуществить региональную интеграцию, она не может долгое время придерживаться принципов взаимного

³ См.: Фурман Д.Е. От распада Российской империи до распада СНГ. URL: <http://polit.ru/article/2005/10/05/furman/> (дата обращения: 01.06.2017).

⁴ См.: Киреева С.А. Межгосударственная интеграция как внешняя функция Российского государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Астрахань, 2006. 50 с.; Россия в современных интеграционных процессах / под ред. С.А. Афонцева и М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2014. 312 с.

доверия [19]. В свою очередь Н. и С. Зиядуллаевы полагают, что реальная интеграция или хотя бы консолидация большинства стран в рамках Содружества вполне возможна и сейчас, в перспективе — в зависимости от готовности к ней различных государств. Россия располагает ресурсами для поддержания своего влияния на всем постсоветском пространстве [20, с. 15—16].

На наш взгляд, недостаточно разрабатываются вопросы управления интеграцией, взаимосвязи развития государства, общества и задач интеграционной политики, сравнительного анализа субрегиональных интеграционных форматов в рамках СНГ, их преимуществ для государств-членов с точки зрения противостояния имеющимся вызовам и обеспечения конкурентоспособности в региональном и глобальном масштабах, субъектности регионов, политических партий и др., информационной поддержки и пропагандистского сопровождения интеграционной политики, а также прогностический аспект — сценарное прогнозирование эволюции как интеграционной политики России, так и интеграционных процессов на пространстве СНГ.

Материалы и методы. Исследование базируется на материалах экспертного опроса по проблематике постсоветской и евразийской интеграции, данных Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), Организации Объединенных Наций (ООН), информационного агентства Sputnik.

При проведении исследования мы использовали методы политической диагностики и политической экспертизы. Была проведена диагностика состояния интеграционной политики России и интеграционных процессов на пространстве СНГ, выявившая основные проблемы и тенденции в данной сфере. Использовалась методика определения ключевых параметров сложности в региональных интеграционных объединениях, предложенная Э. Бестом⁵. Внимание при этом акцентировалось на политических аспектах, а в качестве региональных интеграционных объединений понимались ЕАЭС, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Союзное государство (СГ). Непосредственно СНГ в качестве такой единицы анализа не рассматривалось; оно

⁵ См.: Григорян К.Г. Система индикаторов региональной экономической интеграции. URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2012/Grigoryan.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).

интерпретировалось нами скорее как диалоговая площадка и рамочная координационная структура для государств — членов указанных объединений.

Интеграционная политика не является застывшим, статичным образованием, она подвержена значительным колебаниям под влиянием множества факторов. Потому изначальные формы и решения нередко видоизменяются, а их результативность снижается. Ввиду этого эффективная интеграционная политика как политика приращения требует привлечения метода политического сценарного прогнозирования. При определении перспективных вероятностей в исследуемой сфере применялся «ситуационный» подход, ориентированный на конструирование картины будущей гипотетической ситуации (Дж. Мартино, В. В. Косолапов, С. Е. Кургинян и др.)⁶. Были разработаны краткие аналитические поисковые сценарии эволюции интеграционной политики России и динамики интеграционных процессов в регионе, предполагающие в первую очередь обобщенное изложение наиболее правдоподобных систематических контекстов. Представлены также маловероятные сценарии, не получившие поддержки экспертов и не имеющие серьезных практических предпосылок для реализации.

В рамках формализованного заочного экспертного опроса проведено анкетирование 15 представителей научного сообщества Российской Федерации (Казанского (Приволжского) федерального университета, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Национального исследовательского Мордовского государственного университета, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского) и Республики Беларусь (Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусского государственного университета). Все эксперты имеют ученые степени доктора (13) и кандидата наук (2) в области политологии, социологии, истории, юриспруденции. Цель опроса — изучение трактовок респондентов по проблемам и основным тенденциям интеграционной политики России и интеграционных процессов на пространстве СНГ с ее участием. Опрос проводился в соответствии со специ-

⁶ См.: Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2006. С. 281—283.

ально разработанным бланком, включавшим 25 позиций, преимущественно закрытых вопросов с возможностью формулирования экспертом собственного ответа.

Результаты исследования. Наибольшее единодушие эксперты проявили в ответах по следующим вопросам.

1. О состоянии и характере взаимоотношений государств — участников интеграционных объединений на пространстве СНГ: 40,0 % экспертов посчитали, что определяющими здесь являются применение приемов «блоковой тактики», формирование «групп по интересам», обсуждение распределения выгод и издержек от интеграции, преобладание в каждой из групп цели не достижения интеграционных результатов, а получения конъюнктурных преимуществ. Показательно, что другие эксперты в основном также дали негативные трактовки ситуации, а именно: «Доминирует несколько государств, образующих “интеграционное ядро” Содружества, остальные следуют в фарватере их политики. Формально взаимоотношения поддерживаются на достаточно высоком уровне, однако принципы равноправия практически не соблюдаются» (20,0 %); «Каждое государство-участник придерживается исключительно собственных интересов или интересов внутренних или внешних групп, оказывающих наибольшее влияние на формирование и реализацию публично-властных решений в рамках их интеграционной политики» (13,3 %); «Поддерживается активный переговорный процесс, однако явная заинтересованность проявляется лишь несколькими государствами, остальные дистанцируются от общей политики вследствие внутривнутриполитических обстоятельств или под давлением внешних игроков» (13,3 %); «Атмосфера конструктивного сотрудничества поддерживается только в одном (нескольких) объединениях, другие выполняют скорее маскировочную функцию для продвижения определенных интересов» (6,7 %). Положительная характеристика взаимоотношений через создание условий для свободной дискуссии, обмена мнениями и равноправного, конструктивного и открытого диалога всех заинтересованных участников с привлечением регионов, деловых кругов, неправительственных объединений и пр. получила незначительную поддержку (6,7 %). Вместе с тем ни один из экспертов не счел оправданными крайне негативные варианты определения ситуации одним доминирующим актором (государством), подчиняющим

себе остальных участников, и признания взаимоотношений в регионе конфликтными и центробежными.

2. О часто используемых методах и формах влияния на принятие решений в интеграционных объединениях с участием России. Абсолютное большинство экспертов склонилось к выбору «закрытых» методов и форм, таких как (по нисходящей): «коммерческие сделки» в рамках торгового взаимодействия между государствами-участниками, лоббирование посредством давления на процесс принятия решений со стороны корпораций и т. п., бюрократический внутригосударственный торг, заключение политических сделок между правящими элитами стран СНГ в рамках формирования нового элитного пакта, бюрократический торг на уровне интеграционных институтов. Некоторые эксперты отметили наличие рационального многовариантного выбора на основе согласования общих интересов и привлечения представителей экспертного сообщества, проведение научных мероприятий (конференций, круглых столов, семинаров и др.). Единичные ответы содержат указание на электоральную и в целом внутриполитическую конкуренцию властных и оппозиционных элит; использование неформальных связей (дружеских, родственных связей, института землячества и т. п.); широкое демократическое обсуждение с привлечением СМИ, представителей политических партий, регионов и др. посредством организации «дискуссионных площадок» и инициативных форумов. Вниманием экспертов оказались обделены варианты «Рациональный многовариантный выбор с опорой на национальные интересы одного государства (России)», «Реакция на запрос “снизу” (от регионов, деловых кругов, общественных организаций и пр.)», «Использование результатов опросов общественного мнения, размещение соответствующего контента в Интернете и изучение реакции на него». При этом 66,7 % экспертов признали уровень поддержки населением России интеграционных процессов на пространстве СНГ средним; 20,0 % определили его как низкий, и лишь в одном случае эксперт посчитал его высоким (остальные затруднились с ответом). Среди главных причин слабой общественной поддержки в России интеграционных процессов на пространстве СНГ эксперты выделили отсутствие у граждан интереса к проблемам внешней и интеграционной политики; низкую информированность населения о деятельности интеграцион-

ных объединений; слабую популяризацию на официальном уровне России и во влиятельных СМИ преимуществ интеграционного взаимодействия; несформированность позитивного образа интеграционных объединений на пространстве СНГ; недоверие к зарубежным странам СНГ в целом, не воспринимающимся в качестве надежных и предсказуемых интеграционных партнеров России; слабую эффективность интеграционной политики России и отсутствие ее серьезных позитивных результатов, значимых для населения; опасения чрезмерного «бремени» интеграции, особенно в условиях сложной социально-экономической ситуации; стереотипы «иждивенчества» в восприятии мотивации зарубежных стран СНГ; недоверие к отдельным политикам, руководителям зарубежных стран СНГ, убежденность в том, что они преследуют только собственные интересы. Лишь один эксперт указал на чрезмерную политизацию интеграционных процессов на пространстве СНГ. Факторами высокой поддержки интеграционных процессов эксперты признали прежде всего восприятие зарубежных стран СНГ как «близких родственников» и как партнеров в противостоянии с Западом; общие угрозы транснационального характера, осознание необходимости углубления взаимодействия в области безопасности безотносительно взаимоотношений с западными акторами. Ни один из экспертов не отнес к таким факторам активное продвижение на официальном уровне России и во влиятельных СМИ преимуществ интеграционного взаимодействия с участием стран СНГ, ностальгию по советскому прошлому, «имперский синдром», ощутимые положительные результаты активизации интеграционных процессов на пространстве СНГ, высокий авторитет представителей власти, выступающих за продвижение интеграционных инициатив в регионе Содружества.

3. Об уровне включенности неправительственных институтов в подготовку и принятие интеграционных решений в России: 86,7 % экспертов обозначили его как низкий. Лишь один эксперт определил его как средний, остальные затруднились с ответом. Причинами слабой включенности неправительственных институтов в подготовку и принятие интеграционных решений в России эксперты назвали в первую очередь несформированность институтов гражданского общества в России, непостоянность и фрагментарность деятельности некоммерческих организаций (НКО), отсутствие

влияния и авторитета у большинства НКО, отсутствие у неправительственных институтов достаточных ресурсов для реализации собственных целей и удовлетворения общественных интересов, отсутствие законодательных условий для включения неправительственных институтов в подготовку и принятие интеграционных решений в России. В гораздо меньшей степени таковыми были признаны незаинтересованность самих неправительственных институтов, не видящих преимуществ вовлечения в процесс формирования и реализации интеграционной политики России, и отсутствие необходимой поддержки неправительственных институтов со стороны государства. Ни один из экспертов не отметил фактор политических соображений (оппозиционность организации, ее поддержка извне, неприятие организацией общего курса России в области интеграционной политики, предложений и действий представителей властных структур России и пр.). На этом фоне объяснимым выглядит слабый интерес экспертов к вопросу о путях вовлечения неправительственных институтов в подготовку и принятие интеграционных решений в России. Среди относительно популярных ответов — проведение неформальных консультаций и организация участия представителей неправительственных объединений в общественно-политических форумах с целью выявления их предложений. В то же время наиболее активными агентами интеграционных процессов на пространстве СНГ эксперты с подавляющим преимуществом назвали бизнес-ассоциации, регионы, приграничные сообщества. Достаточно часто, но в меньшей степени фигурировали землячества, СМИ, религиозные организации. Национальные общественные организации, политические партии и движения, интернет-сообщества имеют единичные упоминания.

4. О содействии деятельности интеграционных объединений на пространстве СНГ улучшению социально-политической и экономической ситуации в регионе и странах Содружества: 73,3 % ответов содержат усредненную оценку («частично, в отдельных сферах»), по 13,3 % — у положительной оценки («да») и, напротив, негативной («влияние практически незаметно»).

5. О статусно-ролевых характеристиках России и ее партнеров в интеграционных процессах на пространстве СНГ. Несмотря на выявленные сложности и трудности в том, что

касается социальной поддержки интеграционной политики России и ограниченности ее инструментария, 86,7 % ответов экспертов предполагают согласие с безусловным лидерством России в этой сфере.

Его главными основаниями эксперты считают прежде всего (по нисходящей): энергетические ресурсы; военно-политическую мощь; экономический потенциал; фактор «исторической памяти»; геополитическое положение; русский язык, роль РПЦ, культурное наследие, другие инструменты духовно-культурного влияния. Не рассматриваются как доминантные в реальных условиях инновационно-технологическое лидерство, внутрисоциальная стабильность, согласие между основными элитными группами. Эксперты предложили и некоторые другие варианты роли России: преобладание в отдельных сферах интеграционного взаимодействия, доминирование России и Казахстана, разделение лидерства позиций с двумя другими государствами «интеграционного ядра» СНГ — Беларусь и Казахстаном.

Кроме того, статус и роль России и ее основных интеграционных партнеров по ЕАЭС и ОДКБ характеризовались через оценки их влияния на принятие и реализацию решений в органах межгосударственного и наднационального уровня, а также степени активности в выдвижении интеграционных инициатив. Получены следующие средние оценки (1 балл — наименьшая выраженность, 5 — наибольшая), представленные в табл. 1, 2.

Таблица 1
Возможности влияния стран — участниц интеграционных объединений в регионе СНГ на принятие и реализацию решений в органах межгосударственного и наднационального уровня*

Государство	Средняя оценка влияния, %
Армения	2,35
Белоруссия	3,87
Казахстан	4,13
Кыргызстан	2,08
Россия	4,80
Таджикистан	2,00

* Приведена средняя оценка влияния, выведенная на основании совокупности экспертных оценок по отдельным государствам.

Таблица 2

Степень активности стран — участниц субрегиональных объединений на пространстве СНГ в выдвигании интеграционных инициатив*

Государство	Средняя оценка влияния, %
Армения	2,43
Белоруссия	3,87
Казахстан	4,33
Кыргызстан	2,08
Россия	4,60
Таджикистан	1,64

* Приведена средняя оценка степени активности, выведенная на основании совокупности экспертных оценок по отдельным государствам.

Показателен достаточно большой разброс в оценках в отношении многих стран — участниц ЕАЭС и ОДКБ: например, оценка влияния Кыргызстана у разных экспертов колеблется от 1 до 4 баллов, та же картина — в оценке его активности. Наименьший разброс фиксируется в оценках влияния и активности России, равняющихся 4—5 баллам (причем 80,0 % экспертов оценили влияние и активность России высшим баллом). Заметна корреляция оценок влияния и активности всех стран: они полностью совпадают у Белоруссии и Кыргызстана, у других стран — очень и очень близки.

6. О соотношении «жесткой» и «мягкой» силы в интеграционной политике России. Мнения экспертов разделились поровну в позитивных («баланс обеспечивается») и негативных («баланс не обеспечивается») оценках — по 40,0 % (остальные эксперты затруднились с ответом). Эксперты акцентировали внимание прежде всего на следующих инструментах «мягкой» силы, которые Россия должна применять для увеличения эффективности своей интеграционной политики (по нисходящей): международных (внешних) и приграничных связей между субъектами России и регионами зарубежных стран СНГ; образовании и науке — проектах и программах, направленных на экспорт российского образования в зарубежные страны СНГ, содействие развитию научного сотрудничества на пространстве СНГ, привлечение граждан зарубежных стран СНГ на обучение в России; продвижении русской культуры, представлении культурного наследия России за ее пределами и содействии сотрудничеству стран СНГ в сфере культуры с опорой на российские центры науки и

культуры и интеграционные проекты; укреплении позиций русского языка в зарубежных странах СНГ, активизации идеи «Русского мира»; гибкой кредитно-финансовой политике. Другие инструменты — программы содействия развитию зарубежных стран СНГ, ориентированные на обеспечение их устойчивого социально-экономического развития через содействие в различных сферах и укрепление дружеских связей между странами и народами; религиозные связи на основе РПЦ; СМИ (Sputnik и др.); евразийский проект; энергетическая и официальная дипломатия были отмечены в 20,0—26,7 % ответов. Лишь один эксперт подчеркнул необходимость активизации идеи «славянского братства» и «второго направления» дипломатии. Более половины опрошенных экспертов (53,3 %) считают, что России нужно наращивать свое военное присутствие на территории стран СНГ; противоположное мнение — примерно у трети экспертов (33,3 %). Эксперты, согласные с необходимостью расширения военного присутствия России на территории стран СНГ, указали преимущественно на целесообразность расширения совместных (общих) группировок Вооруженных Сил в рамках региональных подсистем коллективной безопасности ОДКБ и расширения совместной (общей) группировки Вооруженных Сил Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках союзных договоренностей. Варианты «Размещение постоянных военных баз на территории зарубежных стран СНГ на основе долгосрочных двусторонних соглашений» и «Создание “гостевых баз” при необходимости на основе разовых соглашений» получили крайне незначительную поддержку.

7. Об эффективности интеграционной политики России на разных этапах ее эволюции: 60,0 % экспертов отметили положительную динамику интеграционной политики, имея в виду повышение степени ее эффективности, на всех выделенных этапах (с 1991 по 2017 г. включительно); 26,6 % выявили, напротив, уменьшение степени эффективности интеграционной политики России на современном этапе (2015—2017 гг.); в 6,7 % ответов отмечено понижение эффективности также на предшествующих этапах (2000—2006 гг. и 2007—2014 гг.); в аналогичном количестве ответов пиком кульминации эффективности назван этап 1991—1994 гг., а на последующих этапах констатирована стабилизация

эффективности в среднем диапазоне. В 66,7 % ответов начало позитивной динамики отнесено к этапу 2000—2006 гг. Средняя экспертная оценка эффективности интеграционной политики России на разных этапах представлена в табл. 3, где 1—2 балла — низкая эффективность, 3 — средняя, 4—5 — высокая.

Таблица 3

Показатели эффективности интеграционной политики России*

Этап	Эффективность		
	Низкая	Средняя	Высокая
1991—1994	1,60	—	—
1995—1999	2,47	—	—
2000—2006	—	3,27	—
2007—2014	—	3,73	—
2015—2017	—	3,60	—

* Приведена средняя оценка эффективности интеграционной политики России, выведенная на основании совокупности экспертных оценок по отдельным этапам.

Обсуждение и заключения. Обобщая ответы экспертов, можно констатировать присутствие в их оценках значительной доли скептицизма относительно перспектив развития интеграционных процессов на пространстве СНГ, особенно в широком составе. В абсолютном большинстве случаев эксперты выбрали вариант «“Вялая” интеграция с сохранением основных форматов взаимодействия», а в 30,0 % — вариант «Ликвидация СНГ и окончательная переориентация на субрегиональные объединения». Только три эксперта назвали СНГ в числе наиболее эффективных объединений с точки зрения национальных интересов России. Также доминируют критические оценки результативности Содружества с характеристикой ее наименьшей выраженности в сравнении с СГ, особенно с ЕАЭС и ОДКБ. Оптимистический вариант для всего региона СНГ «Развитие “интеграции вглубь”»: углубление наднациональных характеристик существующих интеграционных объединений, переход к созданию на их базе политического союза» в качестве перспективной гипотетической ситуации выделили всего два эксперта. Одновременно, впрочем, эксперты усматривают среди наиболее выраженных вероятностей вариант «Активизация ЕАЭС и создание в его рамках экономического и валютного союза». Вариант «Активизация ОДКБ и создание сообщества безопасности на ее основе с единой армией и интегрированной системой

управления» получил поддержку всего трех экспертов. Ни одного голоса «за» не набрали предложенные экспертам варианты «Многомерная интеграция в рамках всего Содружества с созданием наднациональных институтов», «Развитие “интеграции вширь”»: увеличение количества участников субрегиональных объединений, выдвижение интеграционных целей и задач в новых сферах и областях без достижения существенного прогресса в прежних рамках, инициирование новых проектов», «Полномасштабная реализация положений Договора о создании СГ Беларуси и России, создание Российско-Белорусской Федерации».

Предпочтение отдается именно субрегиональным форматам интеграционного взаимодействия. Самым эффективным экспертами признан ЕАЭС (75,0 %), на втором месте — ОДКБ, совсем немного уступающая ЕАЭС. СГ считается гораздо менее эффективным объединением. По положительным характеристикам открытости, результативности, акцентирования общих интересов тоже уверенно лидируют ЕАЭС и ОДКБ. Напротив, они получили от экспертов меньше негативных оценок в плане политизированности и партикулярности. Основными причинами эффективности указанных интеграционных объединений эксперты считают (по нисходящей): прагматичную заинтересованность стран СНГ в углублении взаимодействия под влиянием особенностей внутривнутриполитической, социально-экономической и международной ситуации; активную роль представителей власти стран СНГ, поддерживающих общую заинтересованность в интеграционном взаимодействии; сходство стран СНГ по социокультурным, политическим и прочим параметрам; учет разноплановых интересов и разного уровня подготовленности стран СНГ к участию в определенных мероприятиях; создание материального фундамента объединения. По одному эксперту отметили важность отказа от форсирования интеграционных процессов и достижения быстрых результатов, а также предварительного преодоления проблем и противоречий в плоскости дву- и многосторонних отношений. Никто не указал на вариант «Использование оптимальных и диверсифицированных механизмов интеграционного взаимодействия».

Представленные результаты в целом подтверждают ранее отмеченные тенденции теоретического дискурса по интеграционной проблематике. В центре внимания сейчас фактически

находится ЕАЭС, с ним связаны наибольшие интеграционные ожидания. СГ, по нашему мнению, явно недооцененное объединение, имеющее существенный потенциал роста. Однако отсутствие свободы маневра в силу ограниченности состава участников с выраженной асимметрией характеристик и возможностей, ряд политических и экономических ограничителей снижают его привлекательность и негативно сказываются на практике.

Подводя итоги, охарактеризуем ключевые параметры сложности ОДКБ, ЕАЭС и СГ, влияющие на состояние и результаты интеграционной политики России, основываясь на данных ЕЭК и Программы развития ООН⁷ (табл. 4).

Таблица 4

Ключевые параметры сложности субрегиональных объединений на пространстве СНГ с участием России*

Ключевой параметр	Конкретный показатель
Количество стран-участниц	<p>ОДКБ: 6 государств-членов (Кыргызская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Таджикистан, Россия) + Республика Сербия и Исламская Республика Афганистан как наблюдатели при Парламентской Ассамблее ОДКБ.</p> <p>ЕАЭС: 5 государств-членов (Кыргызская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Россия) + Республика Молдова как наблюдатель.</p> <p>СГ: 2 государства-члена (Республика Беларусь и Россия) + парламенты Республики Абхазия и Республики Южная Осетия в качестве постоянных наблюдателей при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России.</p> <p>+ Количество стран-участниц относительно невелико и обуславливает достаточную компактность состава, что упрощает управление соответствующими процессами.</p> <p>+ Обеспечивается представительство более 50 % стран СНГ, особенно с учетом института наблюдателей.</p> <p>– Отпадение от ДКБ / ОДКБ Азербайджана, Грузии, Узбекистана, «уход» Украины из зоны интеграционного притяжения и «дистанцирование» Туркменистана.</p> <p>– Ограниченность свободы маневра в СГ</p>

Продолжение табл. 4 на стр. 499–500

⁷ См.: Аналитический обзор. Январь — август 2017. Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/in-dicators201708.pdf (дата обращения: 17.06.2017); Доклад о человеческом развитии 2016. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf (дата обращения: 17.06.2017).

Продолжение табл. 4. Начало на стр. 498

Ключевой параметр	Конкретный показатель
Относительные размеры участвующих стран	<p>Кыргызская Республика: 199 951 км². Республика Армения: 29 743 км². Республика Беларусь: 207 600 км². Республика Казахстан: 2 724 900 км². Республика Таджикистан: 142 000 км². Российская Федерация: 17 125 191 км².</p> <p>+ Обширная пространственная зона охвата интеграционными процессами (у ЕАЭС — первая в мире). – Присутствие в пределах пространственной сферы региональной интеграции очагов конфликтности и напряженности. – Разновеликость стран, двухполюсность: Россия и Казахстан; остальные государства, особенно Армения</p>
Разные уровни развития	<p>Объем внутреннего валового продукта (ВВП) и индекс человеческого развития (ИЧР) (данные по ИЧР по итогам 2016 г.): Кыргызская Республика: ВВП — 2 823,2 млн долл. (январь — июнь 2017 г., +106,4 %); ИЧР — 0,664 (средний); Республика Армения: ВВП — 4 492,7 млн долл. (январь — июнь 2017 г., +105,9 %); ИЧР — 0,743 (высокий); Республика Беларусь: ВВП — 24 956,8 млн долл. (январь — июнь 2017 г., +101,0 %); ИЧР — 0,796 (высокий); Республика Казахстан: ВВП — 67 630,1 долл. (январь — июнь 2017 г., +104,3 %); ИЧР — 0,794 (высокий); Республика Таджикистан: ВВП — 4 800 млн долл. (январь — сентябрь 2016 г.); ИЧР — 0,664 (средний); Российская Федерация: ВВП — 720 753,3 млн долл. (январь — июнь 2017 г., +101,5 %); ИЧР — 0,804 (очень высокий). + Сопоставимость по ИЧР, нахождение абсолютного большинства стран-участниц в зоне высокого и очень высокого человеческого развития. + Наличие достаточно плотного экономического «ядра» (Россия, Казахстан, Белоруссия). + Заметная положительная динамика роста ВВП стран, недавно присоединившихся к ЕАЭС, — Армении и Кыргызстана. – Разноуровневость макроэкономических показателей, асимметричность развития по сферам и секторам национального хозяйства</p>

Окончание табл. 4. Начало на стр. 498

Ключевой параметр	Конкретный показатель
Степень реальной взаимозависимости	<i>Внутригрупповая торговля:</i> объем взаимной торговли товарами государств — членов ЕАЭС за январь — июль 2017 г. — 29,6 млрд долл. (127,8 % к уровню соответствующего периода 2016 г.); объем внешней торговли товарами государств — членов ЕАЭС со странами вне ЕАЭС за январь — июль 2017 г. — 341,3 млрд долл. (126,2 % к уровню соответствующего периода 2016 г.). + Положительная, явно выраженная динамика наращивания взаимного товарооборота для всех государств — членов ЕАЭС. – Гораздо меньший объем взаимного товарооборота по сравнению с объемом внешней торговли. <i>Важность военных альянсов:</i> все рассматриваемые государства входят в ОДКБ, однако некоторые страны (причем входящие в «интеграционное ядро») ограничивают свое участие в ее миротворческой и иной деятельности; ряд стран задействован в программах активизации сотрудничества с НАТО
Политические рамки	Общие вызовы для большинства стран-участниц: эскалация угроз терроризма и экстремизма, «цветных революций», давление внешних акторов, необходимость горизонтальной консолидации для укрепления позиций на международной арене, урегулирования конфликтов и кризисов на пространстве СНГ, традиционные исторические связи, длительное пребывание в общем геополитическом пространстве
Взгляды, ценности и нормы	+ Схожесть взглядов на природу, цели и важность интеграционного процесса. + Общность традиций конституционно-правового развития и основных государственных институтов. + Значение традиционных ценностей для всех стран-участниц. – Торможение углубления наднациональности, обусловленное опасениями чрезмерного давления со стороны более сильных участников, утратой суверенитета, особенно болезненными для новых независимых государств — зарубежных стран СНГ. – Несформированность единой (региональной) идентичности: деактуализация «реставрационной» идеи и фрагментация постсоветского пространства

* Использована методика Э. Беста. Сложности отмечены знаком минус.

Главные уязвимости интеграционной политики России в ее нынешнем состоянии, выделенные в ходе политологического исследования, имеют разное происхождение, но по иерархической значимости на первое место можно поставить проблемы, детерминированные внутренними ис-

точниками. Это закрытость, непубличность в целом сферы интеграционной политики, процесса выработки, принятия и реализации интеграционных решений, относительно небольшая инвестиционная активность в странах СНГ, слабая информированность населения о содержании и результатах интеграционных мероприятий, отсутствие ощутимого эффекта от них, невовлеченность в совместные акции, что определяет и сравнительно невысокий уровень поддержки интеграционной политики и интеграционных процессов. Что касается информационной составляющей, то здесь следует говорить не только о недостаточности интеграционных СМИ⁸, но и об их невостребованности в первую очередь молодежной аудиторией. Активизация сетевых интеграционных СМИ в этом плане должна подкрепляться широким внедрением образовательных программ и исследовательских проектов. Также следует обратить внимание на оперативное обновление материалов на официальных сайтах интеграционных объединений.

Выводы экспертов и эмпирические данные к наиболее правдоподобным гипотетическим ситуациям в плоскости интеграционных процессов на пространстве СНГ позволяют отнести следующие сценарии.

1. *«Инерционный» сценарий со знаком плюс.* Он предполагает достаточно аморфное дальнейшее существование СНГ, устраивающего большинство участников по причине отсутствия в его рамках жестких обязательств и «блоковой дисциплины», обязывающей к солидарности по вопросам внутренней и международной повестки. Вызовы и угрозы транснационального характера вкупе с комфортностью пребывания в Содружестве в качестве члена или участника и необходимостью политической межгосударственной координации — дополнительные стимулы поддерживать статус-кво. В основе функционирования субрегиональных форматов — СГ, ЕАЭС и ОДКБ — будет находиться сходная мотивация, но

⁸ Например, было издано всего два номера журнала «Союзники ОДКБ». Более благополучная ситуация сложилась в СГ. Выходят, в частности, газеты «Союз. Беларусь — Россия» (периодическое издание Совета Министров СГ) в качестве еженедельного приложения к «Советской Белоруссии» и «Российской газете» (<https://rg.ru/gazeta/soyuz/>), «Союзное Вече» (сетевое СМИ — газета Парламентского Собрания СГ) (<http://www.souzveche.ru/>). Функционирует Телерадиовещательная организация (ТРО) СГ, осуществляющая собственное вещание на спутниковом телевизионном канале ТРО.

они будут более эффективными в силу членства государств с более однородной структурой интересов и большей ориентации на осуществление прагматичных функций. Однако многие принципиальные вопросы — прежде всего в сфере валютной интеграции, продвижения общего энергетического рынка и внешнеполитической координации — решены не будут. Преимущественно сохранятся параметры конфигурации сил и режима, свойственные нынешней ситуации. Сценарий реализуется на фоне относительной стабилизации международной и внутренней обстановки. Россия продолжит играть лидерскую роль, но будет вынуждена в большей степени учитывать взгляды и потребности своих партнеров. В своей интеграционной политике она активизирует инструменты «мягкой» силы, но не сможет полностью преодолеть закрытость интеграционных решений.

2. *«Инерционный» сценарий со знаком минус базируется на допущении «отката» в интеграционных достижениях и ликвидации СНГ как квазиинтеграционного формата.* Он вероятен в ситуации ослабления влияния России в регионе Содружества и зависимости от нее зарубежных стран СНГ, уменьшения их заинтересованности во внутрирегиональных контактах после переориентации на других патронов, доноров, внешние рынки и пр. Возможно полное дезавуирование и отдельных субрегиональных форматов, в первую очередь СГ, поскольку его цели и задачи интеграционного характера полностью «растворятся» в ЕАЭС и ОДКБ, которые, впрочем, также не продемонстрируют значительных практических результатов в направлении расширения и углубления интеграции. Внутренняя ситуация в них — это своего рода аналогия «консервативной стабилизации». Более радикальное ухудшение условий, активизация внерегиональных игроков могут даже обусловить отрыв некоторых стран от этих объединений, например вследствие новых волн «цветных революций». Интеграционная политика России и ее партнеров будет непубличной, возобладают методы бюрократического торга на уровне внутригосударственных и интеграционных институтов.

3. *Умеренно оптимистичный, «контекстный» для пространства СНГ сценарий, основанный на активизации интеграционных процессов субрегионального уровня.* Приоритетными объединениями будут выступать ЕАЭС и

ОДКБ с вероятностью усиления их координации и наднациональных характеристик. СГ продолжит существовать, но экономически, политически, стратегически основные ожидания государств-участников будут связаны с двумя предыдущими форматами. Учитывая значительное совпадение состава ЕАЭС и ОДКБ, можно говорить о формировании некой субрегиональной системы, в рамках которой будет достаточно успешно воплощаться представление о многомерной интеграции. Самый благоприятный вариант развития событий для нее в пространственном отношении — вхождение в ЕАЭС Молдовы и Таджикистана, установление тесных ассоциативных интеграционных связей с Туркменистаном, «возвращение» Узбекистана. С точки зрения углубления интеграции — создание валютного союза в ЕАЭС и (или) СГ, расширение общих группировок Вооруженных Сил в рамках региональных подсистем коллективной безопасности ОДКБ, наращивание военно-технического сотрудничества и совместных мероприятий по отражению угроз и вызовов безопасности. Сценарий требует преодоления проблем в сфере внутреннего развития и улучшения обстановки как в регионе СНГ, так и в сопредельных регионах, сокращения экспансионизма отдельных международных акторов, их невмешательства во внутренние дела стран СНГ. Ведущие позиции в регионе будут занимать государства «интеграционного ядра». Будут устранены в целом указанные уязвимости интеграционной политики, расширены ее инструментарий с обеспечением необходимого баланса между «мягкой» и «жесткой» силой, круг агентов интеграционных процессов и социальная поддержка интеграционных решений.

4. *Сценарий «Большой Евразии» континентального уровня.* В основе — распространенная в последнее время концепция «большой евразийской интеграции». В отличие от предыдущих вероятностей, предполагает реформативное «интеграционного ядра» с вхождением в него Китайской Народной Республики (КНР) и утверждением либо дуалистического (Россия — КНР) либо полицентричного управления (Россия, КНР, Казахстан, Беларусь) интеграционными процессами с расширенным составом участников. Допускает корреляцию ЕАЭС и в меньшей степени ОДКБ с Шанхайской организацией сотрудничества. Однако вряд ли такой сценарий может интерпретироваться как один из

базовых. Скорее следует рассуждать об углублении формирующихся трансрегиональных связей ЕАЭС с третьими странами и создании с ними зон свободной торговли, т. е. о закреплении существующей тенденции. В рамках сценария, помимо преимуществ, присутствуют значительные риски: утраты Россией роли безусловного лидера интеграции, ликвидации особого статуса региона СНГ, «растворения» стран СНГ среди внерегиональных игроков.

Маловероятные сценарии также располагаются в позитивном и негативном спектре, но имеют более выраженные акценты.

1. *Многомерная интеграция в масштабах всего СНГ*, связанная с положительной интенсификацией интеграционного взаимодействия в разных сферах и форматах, подключением к интеграционным мероприятиям новых участников из числа постсоветских стран. Сценарий требует практического воплощения Концепции дальнейшего развития СНГ 2007 г., создания прочного материального фундамента, стабильной обстановки внутри интегрирующихся стран и вокруг них, равноправных взаимовыгодных отношений в рамках СНГ. Идеал — формирование многоступенчатой интеграционной системы с закреплением принципа дифференцированного участия. Драйверы сценария — преодоление геополитической плюрализации региона СНГ, повышение авторитета и влияния стран «интеграционного ядра», выступающего мощным полюсом притяжения, достижение значимых успехов в рамках субрегиональных форматов с участием России, отказ внерегиональных игроков от сдерживания России.

2. *Федералистский сценарий* можно рассматривать в нескольких вариантах — пространственно усеченном и расширенном. В первом случае среди перспективных вероятностей выделяются две модификации — Российско-Белорусская Федерация на базе СГ и Евразийская Федерация на базе ЕАЭС. Обе вероятности при сохранении проявляющихся трендов малореализуемы, хотя в их пользу свидетельствует достаточно много общих или совпадающих проинтеграционных факторов (социокультурное родство, исторические связи, экономическая взаимодополняемость, «плотность контакта», сходные риски и пр.). В расширенном виде сценарий может пониматься как «реставрационный», предусматривающий реконструкцию сложной политико-территориальной систе-

мы в границах Российской империи / СССР с воссозданием отдельных элементов их политико-правовых форм или геополитических моделей. Из притяжения гипотетической системы исключаются страны Балтии, Украина и Грузия. В целом такой вариант еще менее вероятен, чем предыдущий. Он может поддерживаться достижением едва ли не полной солидарности абсолютного большинства стран СНГ, преодолением всех конфликтов и разногласий между ними, позитивными результатами интеграционного и внутреннего развития. Интеграционная политика России и ее партнеров приобретет черты внутренней политики и будет основываться на принципе субсидиарности, свойственном федеративной модели. Необходимы формирование и активные действия региональных трансграничных общественных объединений и движений, приграничных зон развития, совместных промышленных, оборонных и иных кластеров как опорных зон интеграционного роста.

3. *Имперский сценарий* также предполагает усиление центростремительных тенденций, аккумулирующихся вокруг традиционного лидера региона — России. Это более жесткий вариант создания надгосударственной системы, он требует закрепления за Россией статуса безоговорочного, единственного лидера региона, ужесточения ею политики геополитического контроля, методов диктата и пр. Гипотетически он допустим в ситуации радикального ухудшения международного положения стран СНГ или их политических режимов. Однако сценарий не имеет ни серьезных практических предпосылок, ни заметной поддержки в политическом дискурсе, тем более в официальной стратегии России.

4. *Катастрофический сценарий* — крах интеграционных проектов, инициированных Россией, распад СНГ и субрегиональных объединений. Основан на максимальном ослаблении интегрирующей роли России вследствие усилившихся внешнеполитических сложностей (масштабной санкционной политики, полной международной изоляции, нагнетания конфликтного потенциала в отношениях с ведущими акторами, пространственной и идеологической экспансии сопредельных государств и внерегиональных игроков), а также давления внутренних проблем (нового витка экономического кризиса, падения доверия населения к власти, активизации радикальных настроений и пр.). Ни одно из интеграционных

предложений России в подобных условиях не будет поддержано другими постсоветскими государствами. Регион распадется на зоны влияния и конкуренции России, Китая, евроатлантических акторов, Турции, Ирана.

Сбалансированная интеграционная политика России, отвечающая ее национальным интересам, несомненно, должна усиливать оптимистические сценарии. Ее минимальные требования на текущий момент — сохранить наиболее успешные интеграционные форматы в прежнем составе с наращиванием взаимовыгодных интеграционных связей с третьими странами и объединениями. Максимальные или повышенные по сравнению с данными требованиями коррелируются с необходимостью выполнения комплекса рекомендаций. Настоятельно желательны гораздо большая опора на источники внутреннего роста и позитивную мотивацию интегрирующихся государств, создание базы не для усиления эффекта «фрустрации», который может теснее «привязать» страны — участницы интеграционных форматов друг к другу поневоле, но «обобщения успехов» и их «перелива» на новые сферы и секторы. Оптимальная интеграционная политика основывается на гармоничном соединении политических, экономических, социальных, культурных и иных факторов, инструментов и компонентов. Однако на ближайшую и среднесрочную перспективы пока следует исходить из сохраняющихся уязвимостей, сглаживая их максимально негативные проявления и последствия. Требуется усиление интеграционного брендинга, предполагающего создание позитивных образов интеграционных объединений и стран-участниц, повышение верифицируемости результатов интеграционных мероприятий, сопряжение интеграционной политики с социальной и иными сферами, где присутствуют интересы граждан, групп, сообществ, акцентирование важнейших проинтеграционных инструментов (особенно расширение коммуникативного пространства русского языка), дебюрократизация механизмов и процедур взаимодействия в рамках СНГ и субрегиональных форматов, актуализация научного и образовательного сопровождения интеграционной политики и интеграционных процессов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Валовая Т. Постсоветское пространство в эпоху прагматизма // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3, № 2. С. 158—171. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_4830 (дата обращения: 01.06.2017).
2. Федулова Н. Россия — СНГ: время собирать камни // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 1. С. 104—111. URL: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=3039&jid=3021&jj=49 (дата обращения: 01.06.2017).
3. Винокуров Е. Прагматическое евразийство // Россия в глобальной политике. 2013. № 2. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Pragmaticheskoe-evraziistvo-15950> (дата обращения: 01.06.2017).
4. Боришполец К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 5. С. 42—55. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/005_borishpoleckp.pdf (дата обращения: 01.06.2017).
5. Боришполец К.П. Ресурсы публичной дипломатии Союзного государства России и Беларуси // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3. С. 224—237. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/012_bor.pdf (дата обращения: 01.06.2017).
6. Лебедева М.М., Харкевич М.В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 10—13. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/lebedeva_harkevich.pdf (дата обращения: 01.06.2017).
7. Cooley A. Great Games, Local Rules: the New Great Power Contest in Central Asia. Oxf.: Oxf. Univ. Press, 2012. 272 p.
8. Kanet R.E. Russian Foreign Policy in the 21st Century. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 295 p.
9. Sakwa R. Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands. L.; N. Y.: I.B. Taurus, 2015. 320 p.
10. Зуев В. Методология классификации и оценки форм региональной интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2014. № 3. С. 25—43. URL: https://eabr.org/upload/iblock/cad/eei_3_2014_zuev.pdf (дата обращения: 05.06.2017).
11. Ушкалова Д.И. К вопросу о моделях и механизмах участия России в процессах региональной экономической интеграции // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4. С. 139—147. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/018_04-2014_ushkalova.pdf (дата обращения: 05.06.2017).
12. Нешатаева Т.Н. Интеграция и наднационализм // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2014. Вып. 2. С. 243—248. URL: http://www.jurvestnik.psu.ru/images/stories/vestnik/pdf/2014_2_24.pdf (дата обращения: 05.06.2017).
13. Стрежнева М. Наднациональность и принцип субсидиарности в ЕС и за его пределами // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 6. С. 5—14. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-5-14>

14. Головин М.Ю., Захаров А.В., Ушкалова Д.И. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 4. С. 61—69. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/04_2016/61_69_USHKALOVA.pdf (дата обращения: 05.06.2017).

15. Трещенков Е. Европейская и евразийская модели интеграции: пределы соизмеримости // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 5. С. 31—41. URL: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?id=4074&page_id=685 (дата обращения: 05.06.2017).

16. Вардазарян М.Е. Республика Армения перед выбором между новыми инициативами Российской Федерации и «Восточным партнерством» Евросоюза // *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. № 1. С. 31—36. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/vardanyan.pdf> (дата обращения: 10.06.2017).

17. Скриба А.С. Вызовы и перспективы евразийской интеграции после украинского кризиса // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2014. Т. 9, № 3. С. 96—111. URL: <https://iorj.hse.ru/2014-9-3/135818155.html> (дата обращения: 10.06.2017).

18. Агасарян А. Евразийская интеграция как новая парадигма развития постсоветского пространства // *Международная жизнь*. 2014. № 4. С. 30—39. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/42014/index.html (дата обращения: 18.06.2017).

19. Гомар Т. Россия одна навсегда? // *Россия в глобальной политике*. 2008. № 5. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11633 (дата обращения: 17.06.2017).

20. Зиядуллаев Н., Зиядуллаев С. Риски и шансы евразийской экономической интеграции в контексте внешних санкций // *Проблемы теории и практики управления*. 2017. № 2. С. 8—17. URL: <http://www.ipr-ras.ru/articles/ziyadul17-02.pdf> (дата обращения: 17.06.2017).

Для цитирования: Бахлова О.В. Интеграционная политика России в регионе Содружества Независимых Государств: возможности, оценки, перспективы // *РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY*. 2017. Т. 25, № 4. С. 482—511.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

O. V. Bakhlova. Integration Policy of Russia in the Region of the Commonwealth of Independent States: Opportunities, Estimates, Prospects

Acknowledgements: the study was performed with financial support from Russian Foundation for Basic Research, research project “Integration policy of Russia as a factor of formation and implementation of the Strategy of national development”, No. 16-03-00603.

Key words: region; Eurasian Economic Union; integration; integration policy; integration processes; Collective Security Treaty Organization; post-Soviet space; Commonwealth of Independent States; Union State; scenario

Introduction: Russia’s integration policy, as part of the national policy, is focused on the promotion of integration processes in the CIS region. The multi-layered transnational nature of current problems and challenges urges countries not only to expand cooperation based on shared and common interests, but also to enrich the instruments for achieving integration goals and objectives. An effective integration policy requires pairing domestic and foreign policy priorities, factors and resources; it should be balanced and take account of the needs and opportunities of the integrating states, population, regions, socio-political and other entities.

Materials and Methods: the study primarily used the materials of the expert survey on the issues of post-Soviet and Eurasian integration and the data from the Eurasian Economic Commission. The methods of political diagnosis and political expertise were the basic ones; the method of determining the parameters of difficulty in the CIS sub-regional associations with the participation of Russia was also used. Using the method of scenario planning on the basis of the “situation-based” approach, short analytical search scenarios of evolution of the integration policy of Russia were developed, as well as those of the dynamics of integration processes in the region. In the framework of the expert poll, a survey of members of the scientific community of Russia and Belarus was conducted.

Results: different parameters of the integration policy of Russia are ambiguously interpreted by experts. On the one hand, their views largely coincided in such areas as the status and role characteristics of Russia and its integration partners in the CIS, the nature of the relationship in the integration associations, the level of involvement of non-governmental institutions, social support for integration policy. On the other hand, there is a range of opinions on quantitative indicators. Belarusian experts have shown greater restraint in their estimates in comparison with their Russian counterparts. With the help of an expert poll and other methods, the main problems of the integration policy were identified and practical recommendations were produced.

Discussion and Conclusions: Russia’s balanced integration policy should be aimed at strengthening the optimistic scenarios, the main sub-regional formats and at preservation of the CIS as an important dialogue platform. Expectations of a higher level can be embodied under the condition of reliance on the sources of domestic growth and on the positive motivation of the integrating states. In the short and medium terms, one should consider the existing vulnerabilities, mitigating their most negative manifestations and consequences. What is needed is intensification of integration of branding, increased verifiability of the results of the integration activities, emphasized pro-integration instruments, de-bureaucratization of processes and procedures of interaction, updated scientific and educational support of the integration policy and integration processes.

REFERENCES

1. Valovaya T. [The Post-Soviet Space in the Era of Pragmatism]. *Rossija v global'noj politike* = Russia in Global Affairs. 2005; 2(3):158—171. Available at: http://globalaffairs.ru/number/n_4830 (accessed 01.06.2017). (In Russ.)
2. Fedulova N. [Russia — CIS: a Time to Gather Stones]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2006; 1:104—111. Available at: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=3039&jid=3021&jj=49 (accessed 01.06.2017). (In Russ.)
3. Vinokurov E. [Pragmatic Eurasianism]. *Rossija v global'noj politike* = Russia in Global Affairs. 2013; 2. Available at: <http://globalaffairs.ru/number/Pragmaticheskoe-evraziistvo-15950> (accessed 01.06.2017). (In Russ.)
4. Borishpolets K.P. [Public Diplomacy in EEU Region: Understanding the Phenomenon and its Development]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* = MGIMO-University Bulletin. 2015; 5:42—55. Available at: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/005_borishpoleckp.pdf (accessed 01.06.2017). (In Russ.)
5. Borishpolets K.P. [The Public Diplomacy Resources of the Union State of Russia and Belarus]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* = MGIMO-University Bulletin. 2017; 3:224—237. Available at: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/012_bor.pdf (accessed 01.06.2017). (In Russ.)
6. Lebedeva M.M., Kharkevich M.V. [The Role of the Russian Soft Power in Eurasian Integration]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* = MGIMO-University Bulletin. 2014; 2:10—13. Available at: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/lebedeva_harkevich.pdf (accessed 01.06.2017). (In Russ.)
7. Cooley A. *Great Games, Local Rules: the New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford: Oxford University Press; 2012. 272 p.
8. Kanet R.E. *Russian Foreign Policy in the 21st Century*. New York: Palgrave Macmillan; 2011. 295 p.
9. Sakwa R. *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. London; New York: I.B. Taurus; 2015. 320 p.
10. Zuev V. [Methodology of Classification and Evaluation of Regional Integration Forms]. *Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija* = Eurasian Economic Integration. 2014; 3:25—43. Available at: https://eabr.org/upload/iblock/cad/eei_3_2014_zuev.pdf (accessed 05.06.2017). (In Russ.)
11. Ushkalova D.I. [On the Issue of Models and Mechanisms of Russia's Participation in Regional Economic Integration]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* = MGIMO-University Bulletin. 2014; 4:139—147. Available at: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/018_04-2014_ushkalova.pdf (accessed 05.06.2017). (In Russ.)
12. Neshataeva T.N. [Integration and Supranationalism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Juridicheskie nauki* = Perm University Herald. Series: Juridical Sciences. 2014; 2:243—248. Available at: http://www.jurvestnik.psu.ru/images/stories/vestnik/pdf/2014_2_24.pdf (accessed 05.06.2017). (In Russ.)
13. Strezhneva M. [Supranationality and the Subsidiarity Principle in the European Union and Beyond]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye*

otnosheniya = World Economy and International Relations. 2016; 6:5—14. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-5-14>

14. Golovnin M.Yu., Zakharov A.V., Ushkalova D.I. [Economic Integration: Lessons for the Post-Soviet Space]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2016; 4(60):61—69. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/04_2016/61_69_USHKALOVA.pdf (accessed 05.06.2017). (In Russ.)

15. Treshchenkov E. [European and Eurasian Integration Models: the Limits to Their Comparability]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2014; 5:31—41. Available at: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?id=4074&page_id=685 (accessed 05.06.2017). (In Russ.)

16. Vardazaryan M.E. [Armenia: an Uneasy Choice Between Russia's New Initiatives and the EU Eastern Partnership]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* = MGIMO-University Bulletin. 2014; 1:31—36. Available at: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/vardanyan.pdf> (accessed 10.06.2017). (In Russ.)

17. Skriba A.S. [Challenges of Eurasian Integration After the Ukrainian Crisis]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika* = International Organisations Research Journal. Education. Science. New Economy. 2014; 3(9):96—111. Available at: <https://iorj.hse.ru/2014-9-3/135818155.html> (accessed 10.06.2017). (In Russ.)

18. Agasaryan A. [Eurasian Integration as a New Paradigm of Development of the Post-Soviet Space]. *Mezhdunarodnaja zhizn'* = International Affairs. 2014; 4:30—39. Available at: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/42014/index.html (accessed 18.06.2017). (In Russ.)

19. Gomart T. [Russia Alone Forever?]. *Rossija v global'noj politike* = Russia in Global Affairs. 2008; 5. Available at: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11633 (accessed 17.06.2017). (In Russ.)

20. Ziyadullaev N., Ziyadullaev S. [Risks and Chances of the Eurasian Economic Integration in the Context of External Sanctions]. *Problemy teorii i praktiki upravlenija* = Theoretical and Practical Aspects of Management. 2017; 2:8—17. Available at: <http://www.ipr-ras.ru/articles/ziyadul17-02.pdf> (accessed 17.06.2017). (In Russ.)

About the author:

Olga V. Bakhlova, Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (e-mail: olga.bahlova@gmail.com). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3849-8321>

For citation: Bakhlova O.V. Integration Policy of Russia in the Region of the Commonwealth of Independent States: Opportunities, Estimates, Prospects. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2017; 4(25):482—511.

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 30.08.2017.